

Проведение знака равенства между традиционно русским описательным и западноевропейским подражательным (говоря условно) изобразительными методами подготавливало на самом деле замену первого вторым. Старая эстетика прекрасно понимала противоположность этих методов в отношении к натуре и фактически запрещала рисовать с натуры: «Не подобает ему (т. е. иконописцу, — А. С.) кроме святых икон воображения ничтоже начертавати, рекше воображати, еже есть на глумление человеком, ни зверска образа, ни змиева, ниже ино что от плещущих, или рода гмышевеска...».⁴⁷ Запрещалось также приобретать иконы «от неверных иностранных римлян и германов», даже если «зело иконное изображение есть по подобию и хитро».⁴⁸ Теперь же проникновение западных влияний ощущалось всеми. «Живоподобные» произведения вызывали насмешки у сторонников старины. Интересно, что Плешкович, как и позднее протопоп Аввакум, сравнивает «живоподобный» образ Христа с «немчином» (л. 46 об.). Это сравнение было, видимо, распространенным, настолько явны были особенности вновь появившегося «живоподобия».

Однако новшества, которые воспринимались как «внешняя мудрость», казались оскорбительными для многих и вызывали не только иронию, но и стремление обосновать свои взгляды ссылками на богословские авторитеты. Владимиров полемизирует с одним из важнейших положений своих противников, ссылавшихся, как это следует из его пересказа (л. 77), на правило 100-е Пятого-Шестого собора. Правило гласит: «...отцы повелеша... да не пишутся образы, иже на срамные дела подвизают глядящих на ня, и растлевают им ум...».⁴⁹ В несколько ином пересказе это правило вошло в толковый подлинник.⁵⁰ Сформулированное на заре средневековья, оно определило нравственно-воспитательное значение средневекового искусства. Возражая на применение этого правила к живописанию, Владимиров апеллирует к нормам христианской этики: «Како не боишися лукаво позирати на образы святых и прелесть помышляти в сердцы? Сии иконное благообразие, истинному бо и благочестивому христианину, егда и на самых блудницъ взирав, прельщатися не подобает, а не еже на иконы — святых зря разжизатися» (л. 77 об.). Таким образом, Владимиров существенно изменяет самый характер отношений между иконой и зрителем: если раньше икона рассматривалась как идеальный образ, предназначенный для несовершенного человека, то у Владимирова живопись уже предназначена для «благочестивых», и этим фактически со зрителя снимаются требования, предъявлявшиеся прежней живописью. Новый живописный строй способствует тому, чтобы зритель ощущал себя во всех отношениях наравне с евангельскими персонажами, в то время как раньше подчеркивалось огромное расстояние между ними.

В отношении собственно живописи новые представления Владимирова, основанные на традиционных формах, заключаются в требованиях писать «светло и румяно, тенно и живоподобно» (л. 54 об.; ср. л. 66), причем речь здесь идет и о цвете, и о передаче объема в изображении. Сопо-

⁴⁷ Подлинник, стр. 22.

⁴⁸ Там же. Ср. свидетельство Олеария: «Русские не уважают и не почитают образов, писанных не русским или не греком и кем-либо из других народов, хотя бы иконы эти были сделаны изящно и искусно» (Олеарий, стр. 331).

⁴⁹ Кормчая. М., 1885, л. 207.

⁵⁰ «Сторичное 6-го собора правило зографию, рекше живописания безчестна, яже зрящих, к безместным поощревают слаstem на стенах начертавати отричет всячески, понеже чувства удобне невнемлют яже теми зрямая, якоже и слышмая в душу впуцают и вреают, сего убо ради, и очи твои праве да зрят премудрость рече, и всяким хранением соблюдай свое сердце» (Подлинник, стр. 2).